

Созвучный тайфуну Туфан

послесловие

94

На белом свете всё так же – цветут сады, течёт мимо Казани в плавном своём повороте Волга, спуют по улице люди... Только вот нет Туфана. Захожу в Госсовет – нет, иду в театр, на его же спектакль, и кажется, вот-вот увижу его уверенную поступь и услышу характерный рокочущий голос – опять-таки нет. Начал перечитывать всё, что он написал, издал и не успел издать... И вот какое довлеющее чувство я испытываю сегодня: почему не начал делать это раньше? Листаю его книги и мысленно разговариваю с ним, а тогда ведь, при жизни его, мы с ним в своих беседах могли бы пройтись по его произведениям воочию. Ведь сколько вопросов теперь возникает, сколько подробностей, нюансов и недосказаностей осталось за печатными строками, и уж не спросить теперь, не выяснить... Нет Туфана рядом.

Написал это таинственно-могучее имя «Туфан»*, созвучное слову «тайфун», и остановился. Как-то пугает оно меня, в нём соединились тревога и буря, сила и величие. Это слово, окунаясь в пучины веков, через тысячи бед и лишений дошло до наших дней, став неотъемлемым от общей судьбы татарского народа...

Человек, озабоченный будущностью своего рода-племени, вряд ли даст своему ребёнку случайное имя. Должно быть, родители Туфана ещё при рождении сына предрекали ему трудную, беспокойную, но великую судьбу, вот и назвали таким необычным и редким до поры до времени у татар именем.

Почему я так много об этом размышляю? Наверное, потому, что найденное родителями и прошептанное на ушко младенца имя – это своего рода жизненная установка и голос судьбы. Носитель такого имени невольно старается оправдать его, чтобы оно соответствовало своему предназначению. А как это непросто – быть достойным имени «Туфан»!

Написал на листе бумаги это имя и задумался... До сих пор я был уверен, что хорошо знаю Туфана Миннуллина, – мы бок о бок прожили с ним более сорока лет... Но когда я сел за письменный стол в намерении написать о нём, то как-то растерялся, как мальчишка из сельской глубинки, впервые увидевший необъятное море. Видимо, общаясь с этим человеком на протяжении долгого времени, читая его книги и внимательно просматривая постановки пьес, я, при всём восхищении его талантом, не море целиком видел, во всей его необъятности, а лишь отдельные волны, лишь порывы морского ветра ощущал. А когда заново прочёл все книги и статьи Туфана и нанизал на одну волшебную нить его

* Туфан (тат.) – потоп, наводнение, тайфун.

действия и поступки, то будто впервые со всей серьёзностью проникся его величием. Одним словом, ещё раз открыл его для себя, по большому счёту, так сказать, на расстоянии.

Вот уже несколько десятков лет он по праву считается ведущим татарским драматургом. Но было время, он восхищал нас и короткими, как летняя ночь, крепкими, как ядро ореха, рассказами, в которых описывал простодушных и в то же время своенравных и хитроватых сельчан, любя и посмеиваясь, «покалывая» своей иронией и меткой критикой.

Взяв в руки эти рассказы, написанные три-четыре десятка лет назад, я испытал какое-то двойственное чувство. Стоит ли перечитывать? Ведь не секрет, в детстве каждый холм кажется Эверестом, а ручей, который по колено воробью, – большой рекой... Романы некоторых писателей, в своё время считавшихся классиками, сейчас воспринимаются как бесконечная рядовая газетная статья... Может, не трогать огрубевшими от времени руками творения Туфана, когда-то приносившие праздник в твою бесхитростную душу?..

Всё же, преодолев колебания, я стал читать. И уж не мог оторваться, радуясь, что книги эти выдержали испытание временем и по-прежнему трогают сердце. Я ещё раз перечитал не только рассказы, но и пьесы, повести, стихи, рубаи, дневниковые записи Туфана Миннуллина... И автор предстал передо мной подлинным классиком нашей литературы, аксакалом нации, жившим заботами и тревогами республики, своего народа.

Я всегда знал, что плохой человек не может создавать по большому счёту хорошие, глубокие произведения. Можно писать внешне мастерски, образно, но, если в основе души автора не лежит доброе начало, читатель всё равно не примет его работу. Творческий человек должен быть прежде всего искренним. С одной стороны, быть искренним вроде бы нетрудно. Разве сложно рассказать людям об увиденном, поведать свои мысли и чувства?! Однако это в лучшем случае называется простодушием, а простофиль в народе никогда не жаловали. По-настоящему искренний человек делится не только тем, что лежит на поверхности, но и самым сокровенным – чувствами, сомнениями, ошибками, страхами... И этим отдаёт себя на суд читателя.

В сердцевине каждого произведения Туфана Миннуллина лежат искренность и тревога за судьбу народа. Иногда мне кажется, что он чересчур обнажает свои чувства, бывает откровенен даже больше, чем нужно. Однако читатель воспринимает его вместе с ошибками, понимает, оказывает ему духовную поддержку, начинает считать его своим, близким человеком именно за эти бесхитростные, откровенные чувства, распахнутую душу. Читатель ведь хорошо знает, что человек со скверными мыслями никогда так не обнажит свою сущность.

Чтобы стать действительно великим, народным писателем, наряду с искренностью необходимо обладать ещё целым рядом качеств. Не говорю о богатстве языка, умении мастерски закручивать сюжеты и других профессиональных качествах – всё это бесспорные вещи. Впрочем, как ни странно, произведения, написанные пёстро и вычурно, зачастую сверкают как бабочка-однодневка, а потом забываются, пропадают.

Писатель прежде всего должен найти большое место человека и своим произведением как чудодейственным снадобьем «залечить» его.

Это значит, он должен уметь пропускать через свою душу переживания и тревоги окружающих его людей, если брать шире – судьбу всего народа. Для этого в первую очередь необходимо быть личностью.

А сильная личность – это, как правило, человек, у которого есть великая цель и которому имеется что сказать. Это ещё человек, хорошо понимающий, где и как надо это сказать. Туфана Миннуллина я знал именно как личность, обладавшую этими качествами и достоинствами, и поэтому воспринимаю его целиком со всеми его нестандартными поступками и странностями.

То, что было у него на душе, он мог без обиняков выложить и другу, и врагу. Иногда мог обидеться или обидеть, но никогда не вставал в позу, в общении держал себя на равных что с дворником, что с президентом. Когда речь заходила о судьбе народа, страны, он никогда не оставался в стороне, напротив, несмотря ни на что, яростно вступал в самое пекло проблемы.

Он завладевал мыслями многих. Когда его спрашивали, почему наши мудрые руководители неизменно прислушиваются к его словам, Туфан отвечал с улыбкой:

«Они думают головой, а я – сердцем».

Я много думал о волшебной силе его произведений, старался понять их. И пришёл к простому выводу. Талант, творческое своеобразие Туфана Миннуллина заключаются в умении любить людей, природу, жизнь вообще. Иные, возможно, скажут, что Туфан иногда и сердился, и гневался, и ненавидел. Да, бывало, он и сердчал на что-то, но это чувство представляло собой этакую «сердитую озабоченность» за народ. Отрицательные герои в его произведениях – не пропащие люди, они скорее люди обманувшиеся, запутавшиеся в дебрях своей судьбы. Они тоже дети Туфана, и они также имеют право на жизнь на этой грешной земле, ибо они – творения Всевышнего. Даже ангел смерти Азраил, приходящий за душами людей, волей Туфана Миннуллина постепенно меняется в лучшую сторону, и сердце писателя само начинает симпатизировать ему.

В повседневной, материальной жизни всего хватает – и плохого, и хорошего. Пойдёшь в лес – можешь сорвать ядовитый гриб, а можешь – прекрасный и нежный цветок. Каждый находит то, что ищет. Туфан Миннуллин всё время искал Красоту. И когда находил её, от всей души ликовал. Поэтому, когда читаешь его произведения или смотришь пьесы, в усталую душу будто вновь вливается энергия, хочется делать добрые дела, самозабвенно любить и жить полнокровной жизнью.

Говорят, если хочешь узнать человека, вернее, то, что он собой представляет, надо ехать на его малую родину. Истоки, среда, люди – всё это оставляет в художнике неизгладимый след. Я довольно хорошо осведомлён о деревне Мереткозино Камско-Устьинского района – и в произведениях Туфана о нём читал, и от людей слышал. Приходит лето, и Туфан везёт в свою деревню самых близких по духу людей. То баньку они вместе с шутками-прибаутками построят, то ещё что-то по хозяйству сотворят. А вернувшись в Казань, делятся впечатлениями, вспоминая разные «приключения» и забавные случаи. А мы, тогда молодые борзописцы, слушали писателя с открытым ртом и с белой завистью.

Я всё собирался съездить в легендарное село, но побывал там совершенно неожиданно. Однажды Туфан-ага предложил мне: «Слушай, поехали через весь Татарстан на телеге! Ты, я, Марсель Галеев, – так

что, втроём». Тогда в Азнакаевском районе супруге Туфана Миннуллина, знаменитой артистке Назибе Ихсановой, земляки подарили на юбилей великолепную породистую лошадь. Конечно, это благородное животное должны были доставить на машине, но Туфану захотелось на лошади проехать до Мереткозино. И вот мы втроём, с детства влюблённые в коней, отправились в путь.

Это предприятие вначале представлялось мне каким-то детским дурачеством, таким поэтическим вздором. Но увидев внезапно помолодевшего Туфана Миннуллина, и мы словно сбросили со своих плеч неподъёмный груз прожитых лет. Пять дней и ночей мы добирались до Мереткозино, ругая грузовики, от которых покрывались пылью с головы до ног, покашивая сено на попутных лугах, валяясь на лесных полянах с их ароматными, слегка кружащими голову травами. Проезжая мимо развалин Булгара, уже на берегу Волги, Туфан показал рукой: «Вон там, за горами-холмами, и стоит Мереткозино». Встретить нас вышла большая баржа, чуть не с километр длиной. «И это по-туфановски», – подумал я про себя. Но главное удивление было впереди.

За этими приключениями я уже начал представлять себе, что село Мереткозино – это не что иное, как волшебный и счастливый остров где-то за горою Каф. Вот, наконец, на краю горизонта показались дома, в вечерних сумерках высветился минарет сельской мечети. Улицы, тропинки, заборы, ворота, дома почти такие же, как в нашей деревне. Вроде ничего удивительного.

Я посмотрел на Туфана-абый. А он, будто позабыв обо всём на свете, застыл верхом на лошади, как падишах, обзирающий свои владения. Здесь всё ему дорого, близко, и его в деревне встречают как близкого человека, любят его, верят ему. И мечеть, и дорога, и дом здесь построены им. Здесь не только его малая родина, здесь будто его независимое государство. Он с такой любовью рассказывал о каждом дереве, о каждом кустике в саду, что мы незаметно для себя влюбились в это действительно чудесное село Мереткозино.

На второй день отправились на машине в Казань. Туфан остался в деревне, словно ребёнок, не желавший вылезать из объятий матери. Долгое время мы ехали молча; каждый из нас вновь и вновь распутывал клубок памяти, переживая перипетии этого путешествия.

Да, чтобы быть истинным писателем, прежде всего нужно иметь крепкую основу, твёрдую почву под ногами, любимый и любящий тебя край, родную деревню. Если крона творчества Туфана раскинулась на весь татарский мир, то корни его здесь, в Мереткозине. Однажды он сказал: «Я не признаю писателя великим, пусть его слава докатилась до Москвы и Парижа, если его не уважают и не принимают близко в родной деревне».

У Туфана Миннуллина много качеств, отличавших его от других людей. Одно из них – нежелание летать воздушным транспортом. Куда бы он ни ехал, в какую бы даль ни направлялся, в самолёт ни за что не сядет, выберет поезд или машину. Не знаю, в чём здесь причина, но сам я примерно так объясняю эту, если хотите, причуду... У Туфана в душе столько мыслей, чувств, каких-то задумок, деталей, что он, видимо, не верил, что у самолета хватит сил всё это поднять. Земля не отпустит, обратно к себе притянет. А иногда я думаю так: он максималист, во всём доходил до конца. Может, он боялся, что если хоть раз оторвётся от Земли, то уж никогда на неё не вернётся – всё будет лететь и лететь, аж до звёзд?..

Кому-то может показаться странным, что я просто, без всякого приукрашивания, изображаю крупнейшего писателя, неординарную личность, признанного драматурга, словно он бесхитростное дитя. А ведь в каком-то смысле это действительно так. Разве человек с недетской душой стал бы в Московском Дворце съездов зачёркивать букву «А» на стоящей перед ним табличке «ТАССР»? Это были годы, когда Татарстан пытался выйти из рамок автономии и заявлял о желании, вернее, требовал, чтобы ему предоставили союзный статус. Туфан Миннуллин в то время – народный депутат СССР. Когда Татарстан объявил о своём суверенитете, Туфан-абый и вычеркнул «А» в аббревиатуре «ТАССР». Табличку переправили, а он снова вычеркнул. И так несколько раз. Наконец терпение организаторов истощилось, и они оставили укороченную аббревиатуру в покое. Что это, как не детскость, своего рода ребячество?! Но ведь дело касалось вековых чаяний народа. А стремление по-ребячески, простодушно донести их до других говорит о том, что Туфан Миннуллин во Дворце съездов не был обычным депутатом, он по-прежнему оставался писателем и незаурядной личностью. Ведь настоящий писатель – это «умный ребёнок», божественный талант, всю жизнь не теряющий «детскости».

Туфан Миннуллин не любил людей равнодушных, инертных, спящих на ходу, бездеятельных, бестолковых; вообще не любил пустоту в обществе и жизни. Там, где он бывал, всё оживало и, как он сам, приходило в движение. Комнаты и залы наполнялись его громоподобным голосом, бодростью, его мыслями и улыбками. Он ни к чему не был равнодушен. Когда нужно, умел и гневаться, и удивляться, и восхищаться. Он рассказывал вдохновенно и слушал вдохновенно. Поэтому везде был желанен. У Туфана был редкий дар – умение «заставлять» людей скучать по нему... Он всегда говорил громко, его слышно было чуть ли не за полкилометра. Своим рокотом он будто заявлял: «У меня от вас, люди, никаких секретов нет! Пусть все услышат мои слова!»

Много удивительных особенностей было у Туфана Миннуллина. При встрече он широко распахивал объятия, искренне, душевно здоровался, но, прощаясь, никогда руки не протягивал. То ли вера в какой-то древний обычай... но я вижу в этом некий намёк и даже большой смысл. Он словно бы говорил: мы расстаёмся на небольшое время, ненадолго.

Разве не чудо – признание народом имени «Туфан» после великого татарского поэта Хасана Туфана?! «Младший» Туфан пришёл в литературу, получив благословение от «старшего». Хасан Туфан в одном из своих стихотворений восклицал: «Талантлы син, Кеше туганым!» («Талантлив ты, брат-Человек!»). А мне слышится: «Талантлы син, Кече туганым!» («Талантлив ты, мой младший брат!»)

А талант Туфана Миннуллина был, прежде всего, в стремлении соединить свою судьбу с судьбой нации, в умении быть частицей своего народа, его любимым ребёнком и верным, храбрым защитником, а также, как уже всем известно, в создании прекрасных, ошеломляющих, таинственно-многозначных произведений литературы.

Разиль Валеев

